

НАША СТРАНА

Год издания 71-й. Буэнос Айрес, 22 декабря 2018

“NUESTRO PAIS”

Buenos Aires, 22 de diciembre de 2018 No 3092

100 ЛЕТ С ОКОНЧАНИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ

11-го ноября 1918 года между блоком Антанты и Германией было подписано соглашение о прекращении военных действий. По инициативе парламента РФ день вступления России в Первую Мировую войну — 1 августа — был установлен в качестве официальной памятной даты страны как «День памяти погибших российских воинов».

«Братья! - звучало расклевенное в 1914 году воззвание созданного Комитета Воткинского завода, - Родину нашу постигло великое испытание. Враг наш силен, жесток и беспощаден. По призыву ЦАРЯ нашего, на защиту Отечества, без различий племен и состояния, как и в былые времена лихолетья, поднялась вся наша матушка Русь...».

Сарапульская газета «Прикамская жизнь» свидетельствовала 27 июля 1914 года: "Воткинские рабочие первые в уезде откликнулись на войну грандиозной патриотической манифестацией. 23 июля на площади Благовещенского собора о. Николаем Кошкурниковым в сослужении многочисленного духовенства было совершено молебствие, а затем прочитан Высочайший манифест об объявлении войны. Призванный на военную службу полицейский пристав Воткинского завода Невярович прочитал перед народом речь Государя Императора, произнесенную в Зимнем дворце. Впечатление от великих слов Государя было необычайное. Крики «Ура!» чередовались с пением «Боже, Царя храни!» Охваченная энтузиазмом многотысячная толпа, всё увеличиваясь по пути и выкинув национальные флаги с портретом Государя Императора, двинулась вверх по Базарной улице. В толпе были и интеллигенты,

и рабочие, и люди других классов общества. Крики «Ура!» и пение гимна утихали. К толпе присоединился оркестр, который исполнил народный гимн, ещё более усилив патриотические чувства народа. Перед домом генерал-майора Смирнова толпа устроила шумную оvation. Затем манифестанты вернулись до управления Камско-Воткинского горного округа и прошли на заводскую плотину. После манифестации, устроенной перед квартирой отъезжающего на войну пристава Невяровича, толпа двинулась к волостному правлению. Уже под вечер манифестанты разошлись по домам".

Более 24 тысяч уроженцев Сарапульского уезда пополнили ряды действующей армии за четыре года войны.

Только в период первой мобилизации, сентября 1914 года, в Сарапульском уезде было призвано 10.300 нижних чинов запаса армии и флота, не считая врачей и чиновников военного времени. Немало наших земляков полегло в жестоких боях под Варшавой, в Карпатских горах, в лесах Восточной Пруссии.

Многие были отмечены наградами. Каленным железом уходит через душу письмо унтер-офицера о спасении полкового знамени: «Один, с выбитым глазом, продолжал поражать атакующих австрийцев. Другой - во весь рост стоял под пулями и снарядами и со слезами на глазах воодушевлял молодежь! И пал раненый, обливаясь кровью...». Все они свой последний приют нашли в чужой земле.

"Прикамская жизнь" от 23 июня 1916 года, в заметке «Павший смертью храбрых», писала о похоронах на Преображенском кладбище убитого героя. «16 июня здесь состоялось погребение

тела прапорщика Николая Николаевича Варначева, погибшего на войне. Покойный - уроженец Воткинского завода, и останки его должны были совершить длинный путь, прежде чем найти последний приют на родине. Еще совсем юношей он в качестве вольноопределяющегося участвовал в коронационных торжествах и своими глазами видел Ходынскую драму. Далее Варначев участвовал в Японской войне. Наконец в эту беспримерную войну он делил все трудности походной жизни, все радости и невзгоды переменного военного счастья с одной из армий сначала генерала Иванова, потом - генерала Брусилова на Юго-Западном фронте, где и пал смертью храбрых. Обряд погребения был обставлен необычайно торжественно, особенно величественно было шествие от собора до кладбища. Впереди на бархатной подушке несли ордена, далее следовала длинная вереница венков и, наконец, высокая траурная колесница с металлическим гробом, украшенным зеленой хвоей, поверх которой лежало оружие. Звуки духовой музыки чередовались с протяжным пением церковного хора. Огромная толпа, собравшаяся отдать последний привет, сопровождала гроб до самой могилы, заполняя все прилегающие улицы, и долго не расходилась с кладбища после того, как все уже было кончено. После покойного осталась жена и двое небольших детей. Е.В.».

Далеко от свиста пуль и разрывов снарядов, ни на минуту не остановились цеха завода.

К 1918 году им было изготовлено и отправлено принятых заказчиком 260.060 трехдюймовых шрапнелей и 17.312 шт. 48-линейных бомб. Также: части лафетов к 76,2 дивизионной пушке образца 1902 года, наконечники для кавалерийских пик и др. 760 военнопленных австрийских солдат и офицеров будут числиться в заводе на середину 1916 года, которые «не являлись вредным элементом» для обывателей.

Увы! Победа в войне досталась другим. Несмотря на героизм и стойкость Императорской Армии, Россия раньше вышла из международного оборота как политический фактор и обратилась в поле большевицких экспериментов.

УКРАДЕННАЯ ПОБЕДА

Россия внесла неоценимый вклад в победу Антанты над Германией и Австро-Венгрией. Ведь на Восточном фронте Российская Империя оттягивала на себя почти половину войск противника.

Под командой Царя Николая Второго в 1916-м Русская Армия сдержала натиск врага и перешла в наступление - весь мир услышал о легендарном Брусилевском прорыве. А войска кавказского фронта в это время успешно сражались в Турции. Однако революционные события внутри страны уничтожили нашу армию, которая была самой героической в Первой Мировой.

Фактически у России украли победу те, кто участвовал в заговоре против Царя. Те, кто рвался ко власти, предавая национальные интересы.

Накануне Февральской революции дела на фронте шли хорошо, Русская Армия отлично снабжалась снарядами, снаряжением и продовольствием. Она готовилась к весеннему наступлению, которое должно было поставить точку в войне. Но такой результат никак не устраивал заклятых врагов Национальной России из либерально-массонского лагеря. Ведь в таком случае союзникам пришлось бы отдать России всё, что она завоевала, а также обещанные проливы и Константинополь. А это невероятно укрепило бы царскую власть, сделав её совершенно незыблемой. Сие никак не входило в намерения милликовых и керенских.

Почему переворот в России произошёл в конце февраля? Да потому, что перед масонами стояла чёткая задача, которую надо было выполнить: лишить престола Императора Николая II до 1 апреля 1917 года. То есть до дня перехода в общее наступление. Иначе Россия победила бы в войне, престиж Царя Николая Александровича стал бы чрезвычайно высоким, и революция стала бы невозможной.

Революция украли у России военную победу. Не будь её, Россия несомненно оказалась бы в рядах победителей в Первой Мировой войне. Антанта одержала победу через восемь месяцев после заключения Советской Россией сепаратного и унижительного Брестского договора с Германией.

При участии России разгром Германии и её союзников наступил бы раньше. Сохранился бы экономический потенциал, разрушенный революцией и Гражданской войной, мы избежали бы распад Империи, поскольку по Брестскому договору от России были отторгнуты Финляндия, Польша, Прибалтика, Украина, части Белоруссии и Закавказья.

В 1914-1916 гг. под руководством Царя российская экономика сумела перестроиться для победоносного завершения войны. Но Россия вышла из неё в состоянии смуты...

С. Простнев

П. Савельев

СВЕТОНОСЕЦ: 100 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ СОЛЖЕНИЦЫНА

Как нельзя лучше сказала о нём Анна Ахматова: «Све-то-носец!.. Мы и забыли, что такие люди бывают... Поразительный человек... Огромный человек...».

Он сумел открыть монблан правды, сумел сдвинуть мир с прежней точки... Смог то-же потому, что за ним стояли миллионы загубленных новомучеников и исповедников российских. И поэтому его сила возрастала. Это был не только он.

Величина явления Солженицына сродни феномену Достоевского. Лидия Корнеевна Чуковская вспоминала времена, когда Солженицын скрывался на их даче: «Он покораил окружающих, но не угнетал их... Пока он беззвучно жил за моей тонкой стеной, я чувствовала себя, и свой дом, и свой образ жизни под защитой сверхмощного танка».

Литературовед Людмила Сараскина метафорически точно подметила ассоциации, возникающие при имени этого великого человека: «Солженицын... Имя-крик, имя-скрежет, имя-протест, ожог сознания. Скальпель офтальмолога, снимающий катаракту с глаз, раскрывающий угол зрения. Артиллерист, вызывающий огонь на себя. Один в поле воин. Русская душа, которая вышла живой и неизгаженной из мрачного, безнадежного времени. Гениальный русский крестьянин из села Сабля, где течет Живая Вода. Последний из могикиан... Нет уже почвы, на которой восходили бы такие люди».

Солженицын — это еще и великая щедрость и жертвенность. Все международные гонорары за «Архипелаг ГУЛАГ» он передал фонду, который помогает бывшим узникам ГУЛАГа, ежегодно обеспечивает провинциальные библиотеки дорогостоящими комплектами книг. На эти деньги присуждается литературная премия Александра Солженицына общей стоимостью 25 тысяч долларов ежегодно. И из этих гонораров писатель никогда не взял ни копейки для себя.

Но кроме того он всё время жертвовал разным лицам и на разные цели. Причём делал это

нередко тайно, по-христиански, так чтоб левая рука не знала, что делает правая. На протяжении долгого времени, несколько раз в год он присылал мне по тысяче долларов на нужды издания «Нашей Страны».

Однажды я поместил в газете заметку о том, что Александр Коровников, сын офицера антикоммунистического полка «Варяг» нуждается в средствах для сложного лечения, и Александр Исаевич моментально отозвался: прислал 200 долларов. Для Аргентины в те времена это была существенная сумма.

В середине 90-х годов Александр Исаевич поселился в подмосковной деревне Троице-Лыково. Несмотря на то, что писатель никогда не водил тесной дружбы с соседями (Солженицын всегда спешил, боялся, что умрёт раньше, чем напишет то, что он считал нужным) он всегда готов был прийти на помощь любому жителю деревни. Например, когда у семьи Борисовых сгорел дом, деньги погорельцам собирали всей деревней. К Солженицыным Борисовы постеснялись обратиться. Но, как только Александр Исаевич узнал про беду совершенно незнакомых ему людей, то лично выделил им тысячу долларов.

Александр Исаевич никогда не боялся смерти. Он всегда относился

к ней как к ступеньке в иное существование, спокойно и светло. Ибо он верил в жизнь вечную, исповедовал христианские заповеди, жил не по лжи. И душа его ушла в вечность на исходе воскресного дня. Для него смерть была фактом жизни. И он говорил о смерти в совершенно практическом плане.

Многие считали и утверждали, что Солженицын недоступен. Что он фанатик самого себя, своей работы. Но это оказалось не так. Когда на Страстной Неделе 1984 года, я посетил его в штате Вермонт, меня потрясла степень его открытости. Он был совершенно простым в общении, хотя и говорил, как праведник, не по возрасту страстно о том, в чём искренне был убежден.

Меня потрясло, какой Солженицын молодой, живой, энергичный, какая у него горячая натура. Конечно, я ничего не говорил, если он меня не спрашивал — только слушал. И это было безумно интересно: своей глубиной, определённо-стью, смелостью, почвенностью.

Увы, он не стал пророком в своём отечестве. Его передачу на телевидении закрыли якобы «за низкий рейтинг», а его работу «Как нам обустроить Россию» никто не сделал своей политической программой. Да и сегодня 100-летний юбилей Солженицына в Эрефии многие используют для

обливания его грязью и клеветой.

После Царя-Мученика Николая Второго, Солженицын — самый оболганный человек в истории России XX-го века. Его книги не смогли изменить власть.

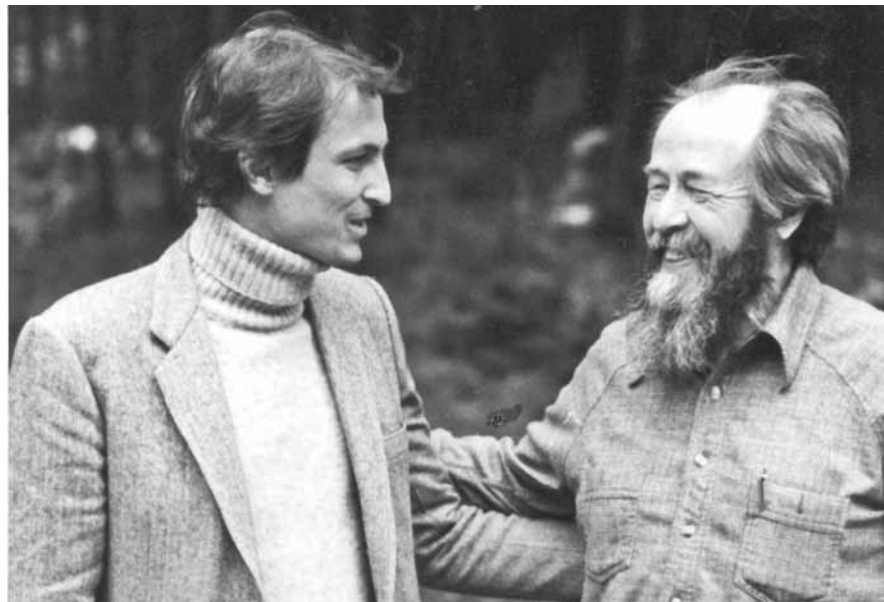
И доживи он до наших дней, несомненно обличал бы теперешний режим. Вспомним, не прошло и трёх месяцев после выхода его повести «Один день Ивана Денисовича», как Хрущёв выступил на встрече с деятелями литературы и искусства. и кричал: «Вы думаете, что у вас есть свобода слова? Что мы примем лозунг «Пусть расцветают все цветы»? Никогда мы не откажемся от управления культурой! Партия всегда будет определять её направление!» Казалось, что такие времена не могли вернуться. В 21 веке так уже не могут говорить начальники, это стыдно. Но сейчас Эрефия явно возвращается в этот контекст.

Да и в мире вообще, всё духовное, определяющее связь времён и культур, нынче попадает под пресс новой, уже постхристианской цивилизации, которая начинала закипать ещё в конце шестидесятых годов и получила новый громадный импульс для своего развития со становлением интернета, формированием так называемой сетевой культуры. Это маховик, который системно перемалывает всё, что естественно и традиционно.

Солженицын не принял бы нынешнюю власть, действующую под вывеской демократического устройства, «когда заботы власти — лишь о самой власти, а не о стране и населяющем её народе, когда национальное богатство ушло на обогащение правящей олигархии и неперечислимых кадров власти верховной, законодательной, исполнительной и судебной».

Бог хранил писателя, дабы он мог сказать миру правду о России. Солженицын был единственным, который стоял насмерть перед всей советской властью. Он был символом совести времени. И его «Архипелаг ГУЛАГ» останется бессмертным.

Николай Казанцев

«ВЫ СДЕЛАЕТЕ ДЛЯ РОССИИ ОЧЕНЬ БОЛЬШОЕ ДЕЛО...»

К 100-летию со дня рождения самого долголечивого и одного из самых талантливых сотрудников «Нашей Страны», мы ниже печатаем четыре письма, отправленные 57-летним Иваном Лукьяновичем Солоневичем тогда тридцатилетнему Владимиру Рудинскому (Даниилу Фёдоровичу Петрову). Первые три — из Германии в Париж; последнее также во Францию, но уже из Аргентины. К сожалению, мы не располагаем письмами самого Рудинского, на которые отвечает основатель «Нашей Страны».

Следует пояснить, что поначалу Солоневич называл «второй эмиграцией» представителей того исхода, к которому принадлежал он сам; то есть бежавших из Советского Союза в 30-е годы, — в своём большинстве это были одиночки. Поэтому он называет Рудинского представителем «третьей эмиграции». Но вскоре название «вторая эмиграция» укрепилось за той волной, которая покинула Россию с отступающей германской армией в годы Второй Мировой войны. А в 70-х годах «третьей эмиграцией» были окрещены представители

политической эмиграции из СССР, возникшей вместе с движением инакомыслящих (диссидентов).

Отметим также, что труд упоминаемый И. Л. Солоневичем как «Белая Империя», был выпущен не брошюрами, не в Германии Ф. Зейберлихом и не в тот момент, а начиная с 1952 года в Аргентине, под окончательным названием «Народная Монархия». Редакция.

10-3-48

Многоуважаемый г-н Рудинский!

Ваше письмо от 30 января я получил недели три тому назад. Вашего адреса на нём не было. Сейчас я не сообщая Вам своего, так как в пределах от 2 до 4 недель мне обещан выезд отсюда, я ещё не совсем точно знаю, куда. Но место назначения не так и важно — лишь бы отсюда и лишь бы на запад.

Я очень тронут Вашим предложением. Не примите, пожалуйста, эту фразу только за выражение вежливости: без поддержки людей, прошедших всё то, что прошли Вы, наши шансы на успех сильно ослабляются. Однако, в Вашей формулировке есть всё-таки две ошибки: я не генерал и армия есть.

Я не знаю, в какой степени Вы

информированы о нашем движении. В последний предвоенный год оно объединило вокруг себя — я бы сказал — всю деловую часть эмиграции: союзы инженеров, врачей, агрономов, такие фигуры как Игорь Сикорский и такие группы как например русские агрономы в Аляске. Кроме того, в рядах организации, с которыми я (или мы) был на ножах, как например РОВС или новопоколенцы, в них было очень много людей, которые целиком стояли на нашей платформе, но так как никакой организации у нас не было, то они предпочитали оставаться в своих: всё-таки организация. В течение всех этих военных лет — с 1939 до сегодняшнего дня — я нигде не и выступал, наше движение пострадало очень сильно и очень глупо: здесь, в Германии, наших людей прижали за «шовинизм», а меня посадили, а потом выслали за «пораженческую пропаганду»; а в других странах таких же людей громили за немецкую ориентацию.

Таким образом, лет 8 движение было в состоянии анабиоза, — но оно, оказывается, осталось вполне живо и даже боеспособно. Сейчас я восстановил кое-какие связи

со всеми странами мира, кроме Европы. У нас были крупные группы во Франции, но сейчас я не знаю, что от них осталось.

Для того, чтобы не вводить Вас в заблуждение, признаюсь сразу: я не организатор. Или, иначе, организационная работа не по мне. Отчасти поэтому, отчасти и по другим причинам (были и другие причины) наше движение так и осталось: движением, но никак не организацией. В числе других причин имеется и такая.

Эмиграция начала постепенно раскалываться на два лагеря. Или, точнее, на два типа. Сидеть двадцать лет на «днях непримиримости», двести раз слушать одних и тех же ораторов, вызывающих к одной и той же «активности» — мог не всякий. А для «активности» — в особенности откуда нибудь из Аляски — не было решительно никакой зацепки. На поверхности политической жизни осталось очень много просто неустроенных людей. Они — шумели. Больше, собственно говоря, они не делали ничего. С этой поверхности исчез ряд людей, который пока что плонул на дни непримиримости — всё равно, де, пока ничего не выходит, и занялись «обывательщиной», как

квалифицируют это «активисты».

Эти «быватели» составляют во всяком случае наиболее *одаренный* слой эмиграции - только его из газет не видно. Но это люди, прочно осевшие. Я бы сказал: пехота контрреволюции («тяжкой твёрдостью своей» и т. д.). Но они или неподвижны, или мало подвижны - как и полагается быть пехоте.

Моя личная роль во всём сводилась, в сущности, к следующему. 90% эмиграции настроены «по народному», то есть против реставрации дворянства. 90% монархичны. Есть конечно демократы антимонархисты и есть монархисты чисто сословного оттенка: «безмоего поместья я в Россию НЕ вернусь».

Я литературно кое-как сформулировал ту идею, которая в 1937 году мне показала несколько новой и которая в 1941-1948 году оказалась так же старой, как и Россия: народное самодержавие, ограниченное *моральной* конституцией.

Эти годы - годы ссылки - я приводил в христианский вид мои изуродованные Ключевским познания в области *русской* истории. Мне в этом отношении помог мой германский опыт: в Берлине я имел дело с самым что ни на есть сливком немецкой интеллигенции и, в ссылке, с немецким мужиком. Я имел возможность обобщить приблизительно одинаковый ход развития в России и Германии. И установить тот печальный факт, что средний свинопас в вопросах политики в среднем умнее среднего профессора политической экономии. Как это ни странно - я это кажется ухитрился доказать документально. И даже найти этому логическое объяснение.

В результате всего этого у меня готовы два тома «Белой Империи» - это психологический портрет России и Русского народа на основании *исторических* фактов, а не литературных образов - вот вроде Обломова и Каратаева. Один том - о ходе углубления революции: во Франции Робеспьера, Германии Гитлера и России Ленина-Сталина, с несколько рискованной, но не слишком подчёркнутой попыткой объяснить явление всех трёх революций с точки зрения - простой импотенции. Дальше: том об истории *русской* революционной интеллигенции, которая вешала, вешала себя самое - пока, наконец, ни повесила. И опять, странное положение о том, что обе мировые войны были если не вызваны, то во всяком случае спровоцированы *русской* интеллигенцией, создавшей в Германии (да и не в ней одной) заведомо облыжное представление о Каратаевых-Лебядкиных и прочих босых и совершенно лишних людях.

Дальше идёт книжка (150 страниц) об истории этой войны и о том как предыдущую войну Николай Второй вёл *лучше* Пётра Великого, Александра Благословенного и Сталина Гениальнейшего: он немцев ни к Полтаве, ни к Москве, ни к Волге не подпустил - кажется довольно ясно. И, наконец, ещё одна такая же книжка, посвящённая, как у нас дома говорят, «текущему моменту».

Вот, с этим почти полным собранием сочинений я и хочу теперь появиться на Божий свет. Над ним я работал десять лет. Как только окажусь где-нибудь вне пределов данного общественного строя, я сейчас же выпущу хотя бы одну из моих книг - и сейчас же постараюсь начать издание журнала. Мои штабс-капитаны обещали помочь в финансовом отношении - вероятно помогут. Нужно будет при-

вести в порядок наше движение, и вот в этом отношении Ваша «третья эмиграция» может быть незаменимой. У неё есть напор, у неё нет забот о детишках, она ещё не пустила долговременных корней - и не успеет пустить, и у неё есть *свежее* представление о том, что есть коммунизм. Есть и ещё одно преимущество: старой эмиграции иностранцы говорят, или по крайней мере говорили: ну, что-ж: отработанный пар истории! Сказать это же о вас - значительно труднее.

Наше положение - положение монархистов, осложняется теми представлениями, которые в результате вековых посевов «разумного, доброго, вечного» остались в умах и иностранцев и русских: Царь это реакция, кнут, указ и прочее в этом роде. Я по пальцам перечисляю экономические мероприятия Николая Второго и доказываю, что по крайней мере в этом отношении он был больше «социалистом», чем м-р Эттли. Но я не думаю, что м-р Эттли поверит, даже и перечислению по пальцам.

Монархическую идею слишком долго монополизировала русская реакция. Именно поэтому она меня рассматривала, как врага номер первый, что соответствовало действительности: защищать поместья можно было только под вывеской монархии. А без поместий, им не нужны были ни Россия, ни тем более Царь.

Я склонен думать, что мои книги произведут впечатление общественного скандала - как в своё время произвела моя газета. Думаю также, что основная масса русских людей найдёт там именно то, что она искала: литературно оформленное, фактически обоснованное отражение того *инстинкта*, который и создал Россию. За «литературное оформление» я во всяком случае могу ручаться.

Я читал Вашу статью об ОДНОРОССЕ. Очень возможно, что с этими людьми я тоже увижусь. Название группы - плохо. Наше название «штабс-капитанское движение» ещё хуже: никому ничего не говорит. Так что лет десять тому назад один полковник даже и обиделся: а мне, как полковнику, нет что ли места? Ничего более путного я до сих пор не придумал, попробуйте Вы. Что-нибудь на тему - Царь, собор, земство, земщина. «Народно-Имперское Движение» было лучше, но не на много...

Наша ближайшая задача состоит

в том, чтобы создать некий монархический «центр», «движение», союз или как хотите, который во-первых, обладал бы чёткой принципиальной установкой, во-вторых был бы свободен от всяких подозрений в реакционности. То, что в эмиграции называется «программами», не имеет никакого значения: всякому олуху и по ту и по эту сторону железного занавеса такие вещи как ликвидация колхозов или свобода торговли, ясны сами по себе. Дальше этого можно идти только в принципиальных установках, а не в технических вопросах об отпусках по беременности.

Принципиальный же вопрос заключается вовсе не в капитализме или в социализме, а в морали или политиканстве, в традиции или в «науке». Россия Николая Второго имела в те времена наиболее крупный в мире «обобществленный сектор народного хозяйства», да и сейчас Англия Эттли не перегнала Россию Николая Второго. Вопрос следовательно в том, *кто* именно будет решать «выкуп заводов в казну» - или «откуп заводов из казны»? Теории, взятки или неподкупный суд здравого смысла - то есть монархия. Монархия, в этом понимании, - есть суд НАД капитализмом и социализмом - как она была судьей между помещиками и крестьянами (имейте в виду: закрепощение крестьянства состоялось в эпоху *отсутствия* монархии, - в эпоху императриц).

Монархия не есть власть одного лица, это власть традиции, воплощенной в одном лице. Говоря узко практически мы сможем жить только при монархии - ибо республика у нас удержится ещё меньше чем удержалась в Германии, Австрии, Испании и прочих. И нам грозит, или предстоит вовсе не выбор между республикой и монархией, а только и исключительно выбор между монархией и тоталитаризмом, зародыши которого, уже лет двадцать пять произрастают в эмиграции.

Программы нынешних солидаристов и вчерашних младороссов, фашистов, РНСД, РНСУВ и прочих и прочих - есть программы тоталитарных режимов, которые действительно перекликаются с бюрократическими слоями новой советской интеллигенции.

И бюрократия, как это сейчас случилось в зонах Германии, зажмёт всё, не даст ни работать, ни дышать

- как она делает сейчас и здесь.

Русская монархия может быть - как всегда была - только народной, и не может быть парламентарной в голландском смысле этого слова. Или, иначе, она немыслима как форма правления навязанная извне. Или как вывеска над банками и трестами. Она немыслима без «всенародного голосования» типа 1613 или 1648 года.

Тяжесть вопроса заключается вот в чём. Я думаю, что вся та часть эмиграции, которая по настоящему стоит за «народного Царя» объединена вокруг нашего **орально**. Она повторяет ход нашего дореволюционного развития: это всё деловые люди - фермеры и миллионеры, агрономы и инженеры. Но это не политический актив. Когда я издавал газету, то я столкнулся с таким фактом, что у меня для неё сотрудников *нет*. Они были у левых и они были у правых, - то есть публицистическая и политическая традиция дореволюционных лет была механически перенесена сюда: те, кто за монархию - были ЗА помещиков. Те, кто против помещиков - они и против монархии. Монархисты, писавшие в самых правых газетах, не могли отвязаться даже и от канцелярского стиля своих писаний и воззваний. Республиканцы, почти монополизировавшие эмигрантскую печать, не могли отказаться от тезиса «великой и бескровной», к которому Россию вели и привели именно они. Все остальные довольно многочисленные организации тянули к повторению режимов Муссолини, Гитлера и Ленина: к диктатуре партии, - «нашей» партии.

Нашему движению не повезло: оно стало зарождаться примерно в конце 37 года. В феврале 38 меня уже пытались взорвать и мне пришлось спасаться в Германию. В Германии мне уже через месяца два запретили политическую работу. Я пытался уехать в САСШ, но это не удалось. Потом - война.

Вы правы в том отношении, что без вас, без людей «третьей эмиграции» мне будет очень трудно. Думаю, и вам вообще было бы легче со мной. Мы все - сейчас мы, в 35-36 году я, до меня семья Чернавиных, до неё многие другие беженцы, - выполняли в сущности одну и ту же роль: напоминали «мировой совести», но мировая совесть по тем временам нами интересовалась мало. Мои, например, книги в САСШ не пошли вовсе, совсем ерунда. На нас смотрели в общем так: ну, что-то там люди проворовались, - и вот, рассказывают нам всякие «турусы на колёсах». Ваше положение на много выигрышнее, не знаю как используете его Вы, но Кравченко использовал с очень большим успехом. Кто он такой, - правда, толком не знаю...

Я буду очень рад навязать с Вами более тесные отношения. Если это письмо не будет идти слишком долго - попытайтесь ответить мне по адресу на конверте.

У меня в данный момент лежат визы в три страны, и я не знаю в какую именно мы попадём. По дороге я Вам об этом сообщу.

Или отсюда или из другой страны я начну сразу же: а) издавать брошюрами мои работы - это около 1800 страниц и б) выпускать журнал. Первое, чем Вы могли бы мне помочь, - это в распространении того и другого. Чем я ВАМ могу помочь, - это мне ещё неясно. Но что-то мы, вероятно, сколотим...

Студенты Сергиевского Богословского Института в Париже И. Дулгов (слева для нас), позднее архиепископ Серафим, и Д. Петров (Владимир Рудинский) рассматривают газету «Вестник».

Крепко жму Вашу руку,
Ваш Ив. Солоневич

22-6-48

Многоуважаемый г-н Рудинский! На мое письмо от 14-4 я ответа от Вас ещё не получил. Вероятно Вы писали уже на Буэнос Айрес. Мы же всё сидим здесь на упакованных чемоданах и всё едем «завтра или послезавтра».

Вероятно в ближайшие недели две все-таки выедем.

Здесь налаживаются все мои издания. Высший Монархический Совет выпускает брошюру «Без иллюзий», два наши штабс-капитанские кружка выпускают: один «Диктатуру импотентов» - три выпуска, и другой «Белую Империю» - пока что тоже три выпуска, каждый около 200 страниц. Не могли бы Вы взять на себя их распространение? Об этом я пишу одновременно Александру Порфирьевичу Кривошееву, у него книжный магазин "Кама" в Париже (теперь, кажется, только библиотека), с просьбой или взять это на себя, или помочь Вам, или как-то с Вами действовать сообща. Цены каждого выпуска - два ам. доллара (я не знаю, что это будет в переводе на французскую валюту и французские условия) - для продавцов 1,50.

Думаю, что на Францию должно было бы пойти не меньше 200-500 экземпляров. Думаю, что известную сенсацию книги произведут. Попробуйте на всякий случай хотя бы коротко ответить на мой нынешний адрес, - при таких темпах мы рискуем просидеть здесь ещё и месяц и больше. Ниже сообщаю Вам адреса Николая Семёновича Запорожцева, издающего «Диктатуру импотентов» и Фёдора Фёдоровича Зейберлиха, выпускающего «Белую Империю». Имейте в виду, что это всё наши штабс-капитаны и абсолютно свои люди.

14-4-48

Многоуважаемый Г-н Рудинский!

Очень рад Вашему длинному письму - без даты и без Вашего отчества. Постараюсь ответить на него по пунктам.

О Высшем Монархическом Совете. Я вчера приехал из Мюнхена, где с этим Советом договорился на все сто процентов. Будем действовать едино, не теряя своего лица, - в организационном и прочих отношениях. ВМС уже предложил единый фронт всем организациям и получил положительный ответ от РОВСа, Христианского Трудового Движения, уклончивый - от солидаристов, и пока никакого от других организаций. Вы правы в том отношении, что поднимать вопрос о реакции и о помешках сейчас нет никакого смысла. Из ВМС уже ушли люди, которые уже по одному своему «личному составу» придавали этой организации именно реакционный, *сословный* характер. Но теперь их там больше нет.

О новой эмиграции. Её значение никак нельзя недооценивать. Она политически свежа и активна - то есть её ведущая часть. Она является живой свидетельницей и живым доказательством того, что и сейчас, тридцать лет после революции и революционного «воспитания

масс», эти массы продолжают выделять из своей среды таких же непримиримых бойцов против большевизма, как и во времена Белых Армий. Но нужно отметить и тот факт, что в среде этой новой эмиграции попали и люди, которые у себя дома расстреливали почём зря. Попали и другие люди, которые хотя и не расстреливали, но выросли в условиях тоталитарных методов работы и марксистских методов мышления - большинство их группируется около солидаристов и около власовцев.

С Вашей оценкой старой эмиграции и её «обывательщины» я согласен не вполне. Но все-таки нужно сознаться, что: если 30 лет тоталитарных методов в СССР не прошли даром для какой-то части «новой эмиграции», то те же 30 лет европейской атмосферы тоже даром пройти не смогли. Эта атмосфера в самых основных и решающих чертах характеризуется преобладанием сантимата, пфеннига или цента надо всеми остальными человеческими соображениями.

В частности, во Франции старая эмиграция была разгромлена экономически, политически и морально. Сейчас у меня например с нашей эмиграцией во Франции нет никаких связей, хотя со всеми остальными странами мира - или почти со всеми - связь уже восстановлена и показала, что за эти почти десять лет все наши люди остались на прежних позициях и готовы помогать так же, как они делали это десять лет тому назад.

Теперь: о нашей возможной кооперации. Я Вам уже писал: так называемая организационная работа - не по мне. Но эта работа без некоего идейного центра виснет в воздухе. Я сейчас достаточно вооружён, чтобы такой центр создать, - десять лет тому назад этого вооружения не хватало. Сидя здесь, я ничего не могу издавать: иначе, в лучшем случае, я отсюда не уеду никогда. ВМС взял для издания мою брошюру - точнее книжку в 8-9 печатных листов, - предельно конденсированное изложение нашей общей линии. По всей вероятности мы в ближайшие недели три-четыре выедем в Аргентину. Там уже более или менее готова типография и прочее. Я сразу начну издавать то ли газету, то ли журнал, который будет поставлен очень хорошо - я говорю о чистой технике. Думаю, что с технической точки зрения он в два раза будет лучше любого из ныне издающихся газет и журналов. Об его идейном содержании Вы, вероятно, сможете судить по моим предшествующим работам.

Будет вероятно, очень туго с деньгами. Последнее время я вёл переговоры с английским девизным контролем и установил тот прискорбный факт, что мои иностранные гонорары я получаю ещё не так скоро: придётся доказывать, что они не являются «германскими капиталовложениями». Сколько времени займёт эта процедура - не знает даже и девизный контроль. Таким образом, на первое время придётся базироваться а) на штабс-капитанской благотворительности (не в первый раз) на продаже изданий и, несколько в отдалении - на иностранных писаниях и изданиях.

Вероятно, что мой сын в ближайшее же время начнёт зарабатывать

очень большие деньги. Но в первое время будет очень туго - опять же не в первый раз. Моя газета повидимому была единственным органом эмиграции, который целиком жил на собственный счёт. Будет жить и дальше.

Чем Вы можете мне помочь? Прежде всего - работой в газете. Материалы: корреспонденции из Парижа о всём, что там делается: в эмиграции и во Франции (на тему о коммунизме и прочее). Ваши воспоминания об СССР - в виде небольших бытовых или биографических заметок-очерков, подчёркивая в них самое характерное. И, самое важное, позиция Ваша - Вашей группы и новой эмиграции вообще по отношению к нашему движению и к монархической идее. Вырезки из французской печати с наиболее яркими высказываниями и за и против России, коммунизма, эмиграции и прочее.

Дальше: распространение газеты и брошюры во Франции - уже на коммерческих началах, что и Вам дало бы сразу же некую - скромную - материальную базу. Моя газета в своё время шла во Франции около 1500 экземплярами - через «Каму», магазин «Возрождения» и через кое-каких наших провинциальных представителей, адреса которых утеряны. Думаю, что газета будет стоить что-то 25-30 американских центов. Высший Монархический Совет вышлет Вам сотни две экземпляров моей первой брошюры. Я из Аргентины буду слать остальные, всего их будет штук десять. Цена - около два американских доллара.

Мои старые книги - «Россия в концлагере», имели русский тираж около 12.000, это был второй тираж после «Двуглавого Орла» Краснова и раз пять выше тиражей Бунина или Алданова. Правда, халтура кн. Бебутовой шла тоже лучше Бунина и Алданова, так что эта справка относится только к тиражу, а не к литературным качествам. При посредническом проценте - четверть номинальной стоимости - это может быть некой временной материальной базой.

Буду Вам очень благодарен за всякие данные о власовской армии - и для печати и не для печати.

Ещё одна вещь, о которой мы ещё не говорили. Сейчас мир переживает «бешенство плана», все стараются «планировать» и «национализировать»... И даже Высший Монархический Совет сконструировал хозяйственную программу ничем не отличающуюся от программы «Социалистического Вестника» - правда ВМС на ней не настаивает. Моя позиция: государственное вмешательство есть зло; которое должно быть ограничено рамками самоочевидной необходимости. И в основах каких бы то ни было «свобод» должна лежать Свобода Человеческой Деятельности - всякой деятельности, но в первую голову хозяйственной. Свобода слова, совести, собраний и забастовок для русского мужаика не означает *ничего*: его никто - при Царе - не заставлял ходить в церковь и его никто не ограничивал в праве сходок. Но свобода хозяйственной деятельности для него есть всё.

Мы, кажется, договорились. Я

очень рад. Думаю, как в своё время я, так и Вы - третья эмиграция сейчас сделаете для России очень большое дело. Дай Вам Бог!

Письма и материалы на всякий случай шлите уже на Аргентину, если можно - воздушной почтой. Я нацеливаюсь взяться за издание сразу же.

Ваш, Ив. Солоневич

17.4.49

Дорогой Даниил Фёдорович!

Я получил Вашу статью «Вредители», которая пойдёт с моим сочувственным примечанием: это же было и со мной. Получил и Ваше письмо (без даты) где Вы затрагиваете целую массу вопросов, в большинстве которых я с Вами согласен на все сто процентов - часть его я вероятно помешу в «Трибуне читателя». В этом письме шлю Вам несколько почтовых купонов - единственное, что *пока* могу сделать в финансовом отношении. Я о Вас, действительно, справлялся, но ничего плохого не слышал. Единственно - это отенок некоторой несерьёзности, что вероятно объясняется просто Вашим возрастом. Не обижайтесь: в Ваши годы я вероятно был никак не серьёзнее. Но, может быть и это не соответствует действительности.

Во всяком случае, то, что Вы пишете о монархическом движении - является нашими общими мыслями. Судьбы эмигрантской литературы и журналистики - судьбы очень тяжелые. Когда мне было 26 лет, то за строчку моих репортёрских писаний я получал гонорар равный цене 25 яиц. И год спустя имел в СПб квартиру в семь комнат. Теперь мне 58 лет, я пишу не репортёрские заметки, и до сих пор жил на остатки гонорара за мои книги - а как будет дальше - не очень точно знаю. Кажется, что «Наша Страна» всё-таки какой-то минимум даст. Но, может быть и не даст. Это же относится и к «политике». И это всегда очень скользкий вопрос. О нём я вероятно, буду писать в газете.

Что же касается Аргентины, то если Вам в Париже не очень уж плохо, то я б посоветовал подождать. Здесь никак не рай: спичек - и тех нельзя достать. Или, по крайней мере, с трудом. Я не знаю Вашей специальности: если Вы техник, то устроиться легко. Если нет - то нужно идти на физическую работу, которая в данном климате очень тяжела. На всякий случай сообщите мне Ваши данные: имя, фамилия, дата и место рождения, имена Ваших родителей (девичья фамилия матери), профессия, религия - то же о всех членах семьи. Сейчас никаких виз не дают, но это, кажется, временно.

И кроме всего того - пишите. Знаю, что в Ваших условиях это очень трудно. Свои статьи я перепелываю в среднем раза три. «Наша Страна» может выехать только на исключительном «качестве продукции», другого ничего у нас нет. Информировать меня о положении русских дел в Париже.

Искренне Ваш, Ив. Солоневич

Скажите, пожалуйста, так что же, собственно, произошло в Высшем Монархическом Совете между Чухновым и Скаржинским? Я ничего понять не могу.